

И. А. ЛОБАКОВА

Историческая повесть о митрополите Филиппе. Литературные источники и их интерпретация конца XVII в.

В XVII в. наблюдается появление множества исторических (часто — и псевдоисторических) сочинений, ориентированных на различные формы изложения: летописную, хронографическую, авторскую, тип временника и т. д. Все эти сочинения по-разному представляют минувшее, неоднозначны в его оценках, откровенно публицистичны, различны по глубине постижения истории. Большая их часть еще недостаточно хорошо изучена. Особое место среди исторических произведений занимают исторические сборники, очень разнообразные по составу, по принципам переработки включенных произведений, по тематике.

В одной из таких рукописей сложного состава конца XVII в., хранящейся в БАН (Арханг. С. 138),¹ на л. 355—357 читается памятник, названный нами исторической повестью о митрополите Филиппе. В «Описании» указано на принадлежность рукописи известному библиофилу и писателю, человеку энциклопедических знаний, первому епископу Холмогорскому и Важскому Афанасию: «На л. 1 запись „От библиотеки архиерейския Холмогорская, № 611“, аналогичная записям на других рукописях, принадлежавших архиепископу Афанасию холмогорскому».² Тем же почерком начала XVIII в. зафиксировано название: «Собрание разныхъ какъ изъ гражданской, такъ и изъ церковной истории выбранныхъ мѣстъ» (л. 1 об.). Авторами «Описания» отмечен особый принцип, положенный в основу создания сборника: «Рукопись предполагалось сформировать как собрание расположенных по алфавиту выписок из памятников нравоучительных, церковных, церковно-исторических, исторических и литературных. Однако алфавитный порядок строго выдержан лишь в оглавлении и нарушается в самой рукописи, где в разделах под буквами алфавита помещаются тексты, не относящиеся (по первому слову, по именам и т. д.) к данной букве. Такое нарушение принципа алфавита имеется во всех буквах, но особенно значительно в тех разделах рукописи, где помещены выписки из больших литературных и исторических памятников <...> Раздел каждой буквы начинается с выписок из „Деяний“ Ц. Барония о событиях, которые так или иначе могут быть отнесены к данной букве (по имени, по первому слову выписки). Далее, за исключением некоторых букв, следуют выписки из Хронографа (на полях указываются главы). Потом следуют обычно (в большинстве букв) выписки из

¹ Описание рукописного Отдела БАН СССР. Исторические сборники XV—XVII вв. М.; Л., 1965 Т. 3, вып. 2 С. 249—252.

² Там же С. 249

Скитского патерика, затем — выписка из Великого зеркала и, наконец, выписка из Пролога (дни и месяцы указываются на полях). Однако этот порядок в большинстве букв не выдерживается.³ Отметив, что в рукописи включались не просто фрагменты из других памятников, но и целые исторические и литературные произведения, авторы «Описания» перечислили следующие: выписки из сочинения Максима Грека об образе Богородицы; Козьмы Индикоплова; Временника христианских царей; Повести Ивана Пересветова о Магмет-салтане и его сочинения о книгах; из истории о Флорентийском соборе; о заключении Столбовского мира 1617 г.; Повесть о видении мужу духовну 1606 г.; Повесть о юноше, завладевшем богатством купца; «от житий» Филиппа-митрополита и Ефросина Псковского; выписки из Хроники Матвея Стрыйковского и «Провсвителя» Иосифа Волоцкого; «Повесть о Щиле»; перевод сочинения Гваньини об Иване Грозном и об опричнине; повествования о нашествии Батыя и о борьбе с Мамаем.⁴

Историческая повесть о митрополите Филиппе включена в достаточно интересный «литературный конвой». Начинается раздел на букву «пси» с рассуждений о «пременении царств»: «Аристотель премѣнение царства быти глаголетъ, егда человецы начинаютъ в похотехъ жити, злыхъ упражнятися и во иныхъ прегрѣшенияхъ и во нравѣхъ неугодныхъ» (л. 339); далее читается подборка из Хронографа и Великого зеркала о добрых царях и о государях, недостойно «державших» царство; выписки из Пролога об утратившем свои сокровища купце, со смирением принявшем это испытание, и о богаче, раздавшем деньги во имя Христа и возжелавшем вернуть богатство; повествование о падении царства Дария и о взятии Константинополя турками; Сказание о крестнике Христа — бедном юноше, пытавшемся исходя из человеческого представления о справедливости остановить беззаконие. По его слову разбойники, подкопавшиеся под монастырскую стену, были ею раздавлены; пираты, плывшие разорить монастырь, потонули; воины, идущие захватить христианский город, перерубили друг друга; готовившегося совершить братоубийство пожрала земля; у человека, погубившего безвинного раба, отсохла рука; разбойники, готовящиеся в лесу к ночному грабежу, сгорели; у сына, бывшего мать, отнялись руки; неправедный судья-взяточник ослеп; оклеветавший своего друга онемел. Однако Христос упрекнул своего крестника в том, что «многих казил без покаяния», «не явил им милосердия». Одарив юношу тремя яблоками, приносящими исцеление от болезней, Христос отпустил его, сказав, что лишь «многими слезами, и трудами, и скорбным житиемъ» (л. 354) можно «быти с нами». После этого Сказания читаются историческая повесть о митрополите Филиппе и краткий пересказ ряда чудес из Жития Ефросина Псковского (о Конане, захотевшем вернуть отданное святому золото; о священнике, уразумевшем тяготу монастырского служения; об исчезнувшем по молитве святого дьяволе; видении об аллилуйе, которую «двоити надо»)⁵. Представляется, что подборка текстов в этой главе диктовалась в основном двумя главными идеями: «пременение царств» из-за прегрешений народа и властителей; проблема соотношения справедливости и милосердия. Историческая повесть о митрополите Филиппе оказывается связанной с обеими: жестокий неправед-

³ Там же

⁴ Там же С 250—252

⁵ Если учесть, что рукопись входила в библиотеку епископа Афанасия Холмогорского, включение в сборник подобного состава рассуждений о сугубой аллилуйе достаточно неожиданно

ливый самодержец, «разделивший царство», противопоставлен милосердному святителю.

Как явствует из пометы на полях «От жития Филиппа, митрополита Московскаго» (л. 355), сделанной тем же почерком, что и основной текст, источником нашей исторической повести стало Житие. «Житие митрополита Филиппа» уже читалось в составе летописно-хронографических сводов. Проведенное в свое время исследование⁶ позволило определить, что в результате переработки источника — текста Краткой редакции Жития — возникли 3 вида Хронографической редакции «Жития митрополита Филиппа», которые читаются в обеих редакциях Летописного свода 1652 г.⁷ и «Хронографе сводном».⁸

Однако в рассматриваемом сборнике житийный текст был подвергнут столь значительной переработке, что целиком утратил прежнюю жанровую принадлежность: составителя интересовали только перипетии борьбы Ивана Грозного с митрополитом Филиппом, которого царь рассматривал как помеху в реализации опричнины. Потому в Повести отсутствует рассказ о жизни Филиппа до того, как он стал митрополитом (что составляло значительную часть житийного повествования): опущены эпизоды, повествующие о рождении героя, его родителей, юности, уходе из дома, странствии на Соловки, трудах послушничества, избрании игуменом, строительстве в монастыре, призвании в Москву, поставлении в митрополиты. Составителем были выбраны из Жития и включены в сборник лишь факты противостояния царя и митрополита, и в контексте главы они образуют еще одну — историческую — пару в постоянном противопоставлении зла (самовластья, гордыни, жестокости) добру (стойкости, любви, милосердию). Таким образом, определение данного памятника как исторической повести представляется наиболее корректным.

Какая же редакция «Жития митрополита Филиппа» послужила источником Повести?

Проведенное сопоставление с текстами всех известных в настоящее время редакций Жития позволило определить, что в исторической повести о митрополите Филиппе обнаруживаются совпадения с двумя из них. Сразу следует оговорить, что совпадений этих немного, и они весьма незначительны по объему (на уровне слов или словосочетаний). Тем не менее связь текста Повести с двумя редакциями Жития несомненна.

Во-первых, в качестве источника Повести можно с уверенностью назвать Краткую редакцию Жития,⁹ текст которой близок архетипному.¹⁰ Создатель Повести, как правило, сокращал текст источника, иногда достаточно лаконично пересказывая его. Но даже в пересказе сохранился ряд чтений, имеющих *только* в тексте Краткой редакции «Жития митрополита Филиппа». В качестве подтверждения указанной текстологической связи приведем несколько примеров:

⁶ См Лобакова И А III «Житие митрополита Филиппа» в составе летописно-хронографических сводов XVII в // ТОДРЛ СПб, 2001 Т 52 С 657—666

⁷ См Лаврентьев А В Списки и редакции Летописного свода 1652 г // Источниковедческие исследования по истории феодальной России Сб статей М, 1981 С 164—182

⁸ Лобакова И А III «Житие митрополита Филиппа» в составе летописно-хронографических сводов С 662—664

⁹ Текст Краткой редакции известен мне по трем спискам РНБ, Соловецкое собр., № 191/191, РГБ, ф 256 (Румянцевское собр.), № 379, ГИМ, собр Вострякова, № 970 Цитируется по наиболее раннему списку посл трети XVII в — Соловецкому, листы указываются в тексте Курсивом выделены близкие чтения

¹⁰ См Лобакова И А «Житие митрополита Филиппа» I Соотношение Краткой и Пространных редакций Жития // ТОДРЛ СПб, 1996 Т 50 С 270—280

Краткая ред Жития

Блаженному же Филиппу *согласившуся съ епископы — и между собою укрѣпшиася вси — еже противъ таковаго начинанія крѣпце стояти* (л 5 об)

Что желаете славы тлѣнныя? Никий же санъ избавит насъ муки вѣчныя! И на се ли взираете, еже молчати царьской убо сиклитъ обязали ся куплями житейскими, изжелѣли славы тлѣнныя и мира! (л 6)

царь же прииде к соборному пѣнию, оболчен в черныя ризы. Также и прочии подобницы злу одѣяние в таковы же черныя ризы, еще же на главахъ своихъ имуще шлыки высоки, ризамъ подобни, якоже и «халдѣи» имут. *Бояре же и весь сиклитъ таково же одѣяние и единъ образъ имуще* (л 9 об—10)

Историческая повесть

Филиппу же митрополиту *согласившуся со епископы и укрѣпльшиася вси между собою, еже противъ сего начинанія царева стояти крѣпцѣ* (л 355)

«Вы, — рече, — почто молчите, славы суетной желаете отъ царя? А на сиклитъ царской не смотрите, что они царю всемъ молчатъ, они бо обязалися куплями житейскими» (л 355)

И прииде нѣкогда царь к соборному пѣнию в черныя ризы оболченъ, также же и прочии одѣяни, еще же на главахъ своихъ высокия имѣяху шлыки, ризамъ подобни по образу, якоже «халдеи» имуть. *Бояре же его вси, и весь сиклитъ также одѣяни, единъ образъ имуще* (л 355 об—356)

Во-вторыхъ, еще однимъ источникомъ для создателя исторической повести послужилъ текстъ, получившій условное название «Житие митрополита Филиппа» в редакціи Милютинской Минеи.¹¹ Какъ показалъ проделанный анализъ, священникъ Иванъ Милютин в свой сборникъ включилъ памятникъ, отразившій (с некоторыми незначительными ошибками) архетипъ двухъ Пространныхъ редакцій Житія — «Тулуповской» и Колычевской, гипотеза о существованіи котораго была выдвинута в результате текстологическаго анализа Краткой и Пространныхъ редакцій памятника.¹²

Обнаруженные совпаденія чтеній исторической повести с чтеніями, имеющимися *только* в редакціи Милютинской Минеи Житія, позволяютъ утверждать, что вторымъ источникомъ Повести была именно эта редакція памятника:

Ред Милютин Минеи

Чадолубивый же отецъ утѣшая и глаголаше «Не скорбите, о чада, вѣренъ есть Господь, не оставитъ насъ искуститися выше силы нашей, и не попуститъ до конца пребывати прелести сей» (л 1316)

Царь же никакоже внимая святительскаго обличенія, но зело гнѣвася нань, и рукою помавая, изгнаниемъ прещаше, и разными муками, и смертными навѣты. И рече «О Филиппе! Нашей ли державѣ являещися противенъ? Да видимъ крѣпности твоея!» (л 1317 об)

Историческая повесть

Святой же утѣшая ихъ словесы своими, глаголя «Не оставитъ насъ Богъ искуститися выше силы нашей и не попуститъ до конца пребыти прелести сей» (л 355 об)

Тогда царь на святаго рукою помавая, и изгнаниемъ прещаше и разными муками, и рече

«Филиппе! Нашей ли державѣ противляещися? Да видимъ крѣпности твоея силу!» (л 356)

Приведенные фрагменты изъ «Житія митрополита Филиппа» в редакціи Милютинской Минеи и исторической повести не совпадаютъ с чтеніями Краткой редакціи Житія. Такъ, в эпизодѣ об утѣшеніи, с которымъ Филиппъ обращался к пастве, в текстѣ Краткой редакціи отсутствуютъ слова митрополита: «Святой же утѣшаше ихъ отъ божественнаго Писанія. Они же, питаеми словесы...» (л. 9 об.). В другомъ изъ приведенныхъ фрагментовъ Повести наблюдается ее совпаденіе с Краткой редакціей Житія лишь в одномъ словосочетаніи («смертными навѣты»),

¹¹ См. Лобаклова И. А. V «Житие митрополита Филиппа» в редакціи Милютинской Минеи // ТОДРЛ СПб., 2003 Т. 54 С. 590—602. Текстъ приводится в статьѣ по единственному известному списку 40—50-х гг. XVII в. ГИМ, Синодальное собр., № 800

¹² См. Лобаклова И. А. «Житие митрополита Филиппа» I Соотношеніе Краткой и Пространныхъ редакцій С. 274—275

в то время как все остальное описание опирается на текст редакции Милютинской Миней: «Царь же святительская запрещенія и учения никакоже внимая, нагнѣваясь нань зело, и рукою помавая, и изгнанием прещаше, и различными муками, и смертными навѣты. И рече царь: „О Филиппе! Нашей ли державѣ являешия противень быти?“ Долготерпѣливый же страдалец...» (л. 10 об.). Таким образом, очевидно, что в исторической повести обнаруживаются совпадения с текстом «Житія митрополита Филиппа» как в Краткой его редакции, так и в редакции Милютинской Миней.

Поскольку создателя Повести характеризует стремление к краткости, то основным методом его работы был *пересказ* текста источника.

Чаще всего пересказ настолько лапидарен, что затруднительно решить, какая именно из двух редакций «Житія митрополита Филиппа» — Краткая или редакция Милютинской Миней — была взята за основу:

Историческая повесть

Входить же в соборную церковь пресвятая Богородицы, тогда новый страстотерпецъ благими словесы, не устрашися, начать царя увѣщевати (л 355 об)

И прочии своего начинания отпадоша, и не токмо еже царева страха убояешя и умолчаша, но и на блаженнаго Филиппа инии от епископовъ востаха < > И мнози от епископовъ на блаженнаго Филиппа востали и царю многие слова втайнѣ наносили на Филиппа Единъ толко поборникъ при святомъ осталъ — Казанский архиепископъ Германъ (л 355)

Краткая ред Жития

Входить же царь и в соборную церковь пречистые Богородицы Святый же Филиппъ зря се, и никакоже устрашися сидеваго свирѣпства, видя в православии велико возмущение, неудобносимыя, велия, бесчестныя скорби и раны, просвѣтися душою и укрѣпися сердцемъ, начать царю глаголати многая от божественнаго Писания (л 7 об —8)

И прочии же своего начинания отпадоша, инии же на блаженнаго Филиппа востаха Царю же совѣтъ свой утвержающе, вси же страха ради не смѣюще вопроки глаголати ко царю < > Они же стояху смиреннообразни, дѣлы же — предатели и злобѣ пособницы Творяще же царю угодная — Пиминъ Новгородский, Пафнотий Суждальский, Филофей Резанской, благовѣщенский протопоп Евстафий (тогда убо ему в запрещении бывшу от святаго Филиппа в духовныхъ винахъ, бѣ бо онъ царевъ духовникъ сей же непрестанно отай и явѣ нанося неподобныя рѣчи ко царю на святаго Филиппа) Прочии же ни по Филиппе побарающе, ни по царю, но яко царь восхощетъ, тако и они Но токмо единъ способствоваше блаженному Филиппу — Германъ, архиепископъ казанский (л 5 об —6 об)

Ред Милютин Миней

Входит же царь в соборную церковь пречистые Богородицы Святый же новый исповѣдникъ, великий архиерей Христовъ Филиппъ, никакоже устрашися сидеваго свирепства, видѣ в православии великое возмущение, и неудобносимая мучения, и лютыя скорби, и бесчисленныя раны, просветися убо душою, и укрѣпился сердцемъ, приступль к самодержцу и рече (л 1314)

Протчии же вси отпадоша, инии же царева страха убоявшяся, умолча и на блаженнаго востаха Царю же совѣтъ свой утвержающе, вси же страха ради глаголати не смееюще < > Они же стояху смиреннии образы, дѣлы же — предатели и злобѣ пособницы Творящи же угодне царю — Пиминъ Новгородский, Пафнотей Суждальский, Филофей Рязанский, Ефстафий протопопъ Благовещенский и духовникъ царев (тогда бо ему в запрещении бывшу от святаго въ духовныхъ винахъ, сей же непрестанная дѣя и втайне наносяше неподобныя рѣчи ко царю на святаго) Но токмо единъ способствова блаженному — Германъ Казанский (л 1312 об —1313)

Большая часть текста исторической повести о Филиппе явилась результатом именно такого — предельно лаконичного — пересказа источника.

Текстологическая зависимость исторической повести о митрополите Филиппе сразу от двух редакций Житія — Краткой и редакции Милютинской Миней — может быть объяснена двумя причинами.

Во-первых, можно предположить, что создатель исторической повести использовал для своей переработки два списка: список Краткой редакции Жития и список, дошедший до нас в Милютинской Минее. В таком случае один из списков должен был стать основным, а по второму проводилась бы правка. Однако такой способ работы с источниками предполагает внесение в основной текст дополнений, исправлений (осмысливающих текст или его расширяющих) или замен (предполагающих иную трактовку событий).¹³ Свидетельств такой работы анализируемый текст Повести не содержит. Так, даже невозможно определить, какая из двух редакций Жития была взята за основу, а по тексту какой вносилась правка: краткий пересказ источника сохранил лишь отдельные словосочетания, позволяющие соотнести текст Повести то с одной, то с другой редакцией Жития. Потому представляется крайне затруднительным предположить, что создатель исторической повести, пересказывая свой основной источник, вносил в качестве дополнения одно слово или отдельное словосочетание из другого списка.

На наш взгляд, предпочтительнее иное объяснение: поскольку Краткая редакция довольно близка архетипу Жития, а в основу редакции Милютинской Минее также был положен текст, отразивший архетип,¹⁴ то, вероятно, и источником исторической повести о митрополите Филиппе стал список, близкий архетипному. Такое объяснение делает понятной, с одной стороны, близость текста Повести именно этим двум редакциям, а с другой — возможность совпадений в чтениях то с Краткой редакцией, то с редакцией Милютинской Минее.

Со стремлением к предельно лаконичному изложению событий в тексте Повести можно связать выпадение имен «угодников царевых», которые упоминались в других редакциях: среди врагов митрополита названы лишь Пимен Новгородский, Пафнутий Суздальский, соловецкий игумен Паисий, Малюта Скуратов. В Краткой редакции Жития и редакции Милютинской Минее недругов у Филиппа гораздо больше: Филофей Рязанский, духовник царя благовещенский протопоп Евстафий, архимандрит Феодосий, князь Василий Темкин, Василий Грязной, Алексей (в Житии он назван Александром) Басманов, Стефан Кобылин (впрочем, о нем не сообщается и в списке Милютинской Минее). Все эти персонажи в тексте Жития раскрывали тему многоликости зла, связи его с разными качествами, которые толкали человека на путь служения злу: трусостью, гордыней, завистью, злобой, слабостью духа, тщеславием. Потому Филипп был противопоставлен не только царю, но и множеству других эпизодических героев. В этой череде противопоставлений раскрывались черты личности самого святого (снисходительность, твердость, прозрение будущего). Очевидно, поскольку создателя исторической повести интересовал лишь сам факт противостояния государя и Филиппа, то присутствовавшие в тексте Жития все другие мотивы, персонажи, факты оказались вне сферы его интересов.

Краткость пересказа стала причиной появления в тексте риторически не украшенного повествования. Так, повествуя о методах «дознания» у братии о жизни Филиппа на Соловках, создатели Краткой редакции Жития и редакции Милютинской Минее писали:

¹³ См. Лихачев Д. С. (при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва) *Текстология на материале русской литературы X—XVII веков*. СПб., 2001 (1-е изд. — 1962 г.)

¹⁴ См. стемму в Лобаклова И. А. V «Житие митрополита Филиппа» в редакции Милютинской Минее С. 601

Краткая ред

Сии же дошедшим Соловецкого монастыря, неправая бо имъ творящимъ, и начаша инокъ тѣхъ ласканиемъ и мздоимствомъ умягчати Овыхъ же сановными почестыи услаждаху, яко да по ихъ хотѣнью рѣчи дадут, овѣхъ же страхомъ прешения прешаху Лехкоумныхъ же (реку — и безумныхъ) к своему умышлению привлекоша < > Богоноснымъ же и честнымъ старцемъ, живущимъ во обители той, многи раны наложиша, повелѣвающе имъ напрасно на святого неподобные глаголы лгати Они же, прообраз благочестив нравъ имуще, многи скорби с радостію прияха за своего пастыря, яко едиными усты вопияху истинну честное и непорочное житие его по Бозѣ, и попечение о святѣмъ мѣсте, и о бракомъ спасении (л 14—14 об)

В исторической повести данное описание имеет вид «И тогда за страх царской и за чести посуленные игумень и братия многия клеветы на святого изнесли. А инья — многия раны претерпѣша, а лжесвидѣтельствовати не стали» (л. 356 об.).

Значительные отличия в сопоставляемых текстах имеет эпизод, повествующий о лжи анагноста на Филиппа:

Краткая ред

Царю бо и епископомъ еще в церкви сущимъ, нѣкто анагностъ соборные церкви, наученъ враги его, начать на блаженнаго Филиппа износити скверныя словеса Слышавше же епископи, угоджающии царю, — Пиминь Новгородский и прочии — недугующе на святого < > Епископи же любящеи святого Филиппа-митрополита и знающе, яко лжа есть, и ничтоже смѣяше глаголати, видяще, яко сложишася на извержение его Отець же, отеческая отроку показуя (вѣдыше бо, яко легчайша суть юношская винамъ согрѣшения), и рече анагносту «Буди тебѣ милостивъ Христось, о любезне » (л 12)

Ред Милютин Миней

Царю бо и епископомъ еще во церкви, анагностъ Филипповы великия церкви, наученъ враги, и нача износити на блаженнаго скверная словеса Слышавши же епископи, иже угоджающии царю — Пиминь Новгородский и прочии — глаголаше < > Епископи иже любящеи святого, знающе, яко лжа есть, и ничтоже смеюще глаголати Православнии же (л 1318—1318 об)

Историческая повесть

Клеветницы же Филипповы умздиша единого анагноста — отрока лѣпа, и той отрокъ посреди церкви лжеествовалъ на святого в содомскомъ грѣсѣ А послѣжде сказали, что за страхъ сию клевету на святого учинилъ Святый же в семь разрѣши отрока (л 356)

Очевидно, что в приведенном фрагменте создатель исторической повести ориентировался на текст Краткой редакции Жития (в редакции Милютинской Миней ничего не говорится о мзде за клевету и о прощении, которое Филипп дал анагносту), однако «план выражения» отличает текст Повести от всех известных редакций агиографического памятника.

Стремление к лапидарности могло привести к потерям. Так, смысл одного фрагмента в исторической повести оказался крайне затемненным. Это может быть следствием либо неудачи создателя Повести, либо наличием дефектного чтения в списке его источника:

¹⁵ Далее в списке Милютинской Миней имеется перестановка текста после краткого описания методов дознания — рассказ о возвращении в Москву посланных с игуменом Паисием, а потом — описание поведения честных иноков

Историческая повесть

Краткая ред

Ред Милютин Минеи

Ниже убиваху бо ся душа первородных хоругви — видѣша бо внезапно царствующий градъ весь облежашъ И слышати страшно, яковая той царь содѣя со всѣмъ своимъ воинствомъ, вооруженнаго оружие нося, едино лице и нравъ имѣя, также и дѣлы еже «зачатся беззаконие и роди грѣхъ», еже есть вси единолично во одеждахъ черныхъ и ина неудобъ писанию предати (л 355 об)

По нѣколиже же времени для такового совѣту, бывшу ему во своемъ любимомъ дому, в слободѣ Александровой — о, моихъ слез! — словомъ именуется слобода, а совѣтомъ своимъ горши египетские работы явися видѣша бо внезапно царствующий градъ весь облежашъ, еже и слышати страшно Тогда явися царь и великий князь Иванъ Васильевичъ со всѣмъ воинствомъ вооруженъ весь, наго оружие нося, едино лице и нравъ имѣя Также же и дѣлы «еже зачася грѣхъ — и роди беззаконие», еже есть вси единолично в черномъ платьѣ и ина неудобъ писанию предати (л 7—7 об)

Времени же доволну для того совѣта бывшу ему во своемъ любимомъ дому в слободѣ — о, многихъ слез! — словомъ именуется слобода а дѣлы своими горши египетские работы явишася видѣша бо внезапно царствующий градъ весь облежашъ и слышати страшно! Явися царь со всѣмъ своимъ воинствомъ вооруженъ весь, наго оружие нося, единолицы и нрав имѣя, и вси единоличны, и в черномъ платьѣ, и ина неудобъ писанию предати (л 1313 об — 1314)

В отмеченном дефектном чтении исторической повести обнаруживается «осколок» фразы, которой нет ни в Краткой редакции Жития, ни в редакции Милютинской Минеи: «Ниже убивахуся бо ся душа первородных хоругви». В «Тулуповской» редакции Жития, значительно дополненной архетипный текст, довольно близко переданный редакцией Милютинской Минеи, указанное словосочетание содержится: «Времени же доволну для такового совѣта бывшу ему во своемъ любимомъ дому, преждеченной слободѣ, — о моихъ слезъ! — словомъ именуется слобода, а дѣлом оставшая древле египетская льсти: тамо — *первородных* погубление, здѣ же, яко класы, православнии пожинахуся. Отвсюду лютейший огня жератокъ попалити землю; не варваръ нашествие и грады поби, и винограды наша раскопа, но самоизвольный мракъ страха и тма дерзновение покры, не мину — губяй первенецъ нашихъ. Не помазоша бо ся прازی ума и дѣяния кровию домовъ нашихъ, бѣдствоваше благочестие, *убивахуся душа* первенецъ *хоругви*. Видеша бо внезапно царствующий градъ весь облежашъ — и слышати страшно!»¹⁶ Это — единственный фрагмент «Тулуповской» редакции Жития, который обнаруживает черты сходства с текстом исторической повести (начало этого фрагмента отразилось в заключении исторической повести). Возможно, в архетипном житийном тексте описание бедствий разделенного царства было более пространным, чем те, что читаются в Краткой редакции Жития и редакции Милютинской Минеи.

В Повести имеется ряд индивидуальных чтений, которые могут рассматриваться как добавления к тексту источника.

Во-первых, наряду с привычными именованиями Филиппа во всех редакциях Жития «святой», «блаженный», в Повести (на л 355 об.) он назван «страстотерпцем» («...тогда новый страстотерпецъ благими словесы, не усташися, начать царя увѣщевати»). Усиление темы мученичества связано в памятнике с четким противопоставлением царя-мучителя, губящего царство, с добровольно принимающим мученичество святителем

Во-вторых, в тексте появились авторские оценки и сравнения. Их немного, но они весьма выразительны. Повествуя о молчании всего Священного собора, о его готовности благословить опричнину, автор Повести пишет: «А прочия епископы вси молчаша, *аки рыбы безгласныя*,

¹⁶ Текст «Тулуповской» редакции приведен по ркп 30—40-х гг из собр ИРЛИ колл Амосова—Богдановой, № 12, л 78—79

пред царем» (л. 355). О Германе Казанском, который единственный из всех поддерживал Филиппа, сказано «той былъ добродѣтели украшень» (л. 355), но привычная этикетная похвала здесь становится своего рода объяснением причины поступков сторонника митрополита. Обличения Филиппом царя и церковных иерархов в разных редакциях Жития предвараются словами: «рече», «такое рече», «изглагола» и т. п. В Повести о манере, в которой Филипп наставлял присутствовавших на Соборе служителей церкви, читаем: «Блаженный же ихъ о семь начинании *поносив с кротостию*, глаголя...» (л. 355). Использование оксюморона в этой характеристике позволяет создателю Повести подчеркнуть, что строгость требований, предъявляемых святым к своим противникам, была мягко облечена в увещательную форму. Таким образом, перед нами не столько описание речевой манеры митрополита, сколько художественная деталь, характеризующая его самого.

Тема обличений царя становится, пожалуй, единственной в повествовании о деяниях святителя, потому обо всем, что произошло после заточения Филиппа в Богоявленском монастыре (о заключении, «поставлении пред царя» и отповеди игумену Паисию, обращениях к Ивану Грозному), сказано одной фразой: «А что святой царя за раздѣление царства и в заточении бывъ, а все обличаль, а когда ко лжесвидѣтелю на соборъ святаго брали, — и тамо немолчно святой царя обличаль» (л. 356 об.).

Композиционное завершение Повести вполне соотносится с ее главной темой — темой запустения разделенного царства. На л. 357 после рассказа о пренесении мощей Филиппа на Соловки при царе Федоре Ивановиче («о мощах митрополита Филиппа царю били челом, что онъ ихъ былъ») читаем: «О слободѣ Александровѣ тако написано: „О моих слезъ! Словомъ рече именуется слобода, а дѣломъ оставшая древле египетска лсти: тамо первородныхъ погубление, здѣ же, яко класы, православныя пожинахуся“». Упоминание об Александровой слободе имеется в текстах Краткой редакции и редакции Милютинской Минеи, но в них оно предшествовало повествованию о первом появлении Ивана Васильевича во главе опричного войска в Москве и определяло тональность рассказа о последовавших злключениях народа, вельмож, иноков Соловецкого монастыря, Филиппа, новгородцев. В исторической повести о митрополите Филиппе гибель людей вместе со своим святителем во времена немилосердного правления царя-мучителя завершилась этой своего рода «эпитафией». В разделе сборника, одной из главных идей которого была мысль о «пременении царств», такая концовка Повести продолжала тему погубления праведников обреченного государства. Эта тема определила композиционное решение Повести, подчиненность всех элементов сюжета одной идее, краткость изложения.

Историческая повесть дает интересный материал не только для изучения принципов переработки произведения агиографического жанра при включении его в исторический сборник сложного состава, не только для более точного определения источников такого сборника, но и для исследования истории текста самого Жития. Так, было установлено, что в тексте Повести обнаруживается сходство с двумя редакциями «Жития митрополита Филиппа» — Краткой и редакцией Милютинской Минеи, близкими архетипу Жития, но по-разному отразившими его; что сама Повесть явно восходит к списку, хорошо сохранившему архетипные чтения. Следовательно, чтения обеих редакций Жития, отразившиеся в исторической повести, могут характеризовать текст архетипа.

Текст исторической повести о митрополите Филиппе публикуется нами по единственному известному на сегодняшний день списку.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТ ЖИТИЯ ФИЛИППА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Царь Иванъ Васильевичъ возвѣстилъ митрополиту Филиппу и прочимъ епископомъ на соборъ съ призываньемъ бывшимъ, чтобы ему свое царство раздѣлити и свой царской дворъ учинити во Александровой слободѣ, и на се бы его благословили.

Филиппу же митрополиту согласившуся со епископы и укрѣплъшеся вси между собою, еже противъ сего начинания царева стояти крѣпцѣ. Единъ же отъ нихъ, нѣкто славлюбивъ сый епископъ, царю сей ихъ совѣтъ изнесе. И прочии своего начинания отпадоша, и не токмо еже царева страха убояшася и умолчаша, но и на блаженнаго Филиппа инии отъ епископовъ восташа.

Блаженный же многими словесы о семъ начинании моляше царя, вспомяная ему о вѣре, и о любви, и о смиреннии, во образъ приводя ему отца его великаго князя Василя Ивановича, како онъ поживе благочестивно и кротко. А прочия епископы вси молчаша, аки рыбы безгласныя, предъ царемъ. Блаженный же ихъ о семъ начинании поносилъ с кротостию, глаголя: «Понеже ваше сие молчание цареву душу влагаетъ во г<рех> и православной вѣрѣ скорбь и смущение принесеть. Вы, — рече, — почто молчите, славы суетной желаете отъ царя? А на сигклити царской не смотрите, что они царю всемъ молчатъ, они бо обязались куплями житейскими. Насъ же Господь Богъ отъ всѣхъ сихъ свободилъ, и на се мы устроены, еже исправляти намъ всяку истинну».

И мнози отъ епископъ на блаженнаго Филиппа востали и царю многия слова втайнѣ наносили на Филиппа. Единъ толко поборникъ при святомъ осталъ — Казанский архиепископъ Германъ: той былъ добродѣтели украшенъ. Угодницы же царева на святаго глаголаху: «Добро было, — рече, — во всемъ царя слушати, и на всяко дѣло безъ расуждения благословляти, и волю его творити, и не разгнѣвляти». И прочая епископы царя благословили на се раздѣление. И бысть царь гнѣвенъ на святаго

И началъ по воли своей царство свое совержати. И которыя бояре и прочии велможи ему годны, — называше ихъ опришниками (сѣрѣчь — дворовыми), // иныхъ же бояръ и прочихъ велможъ нарицаше земскими; также и всю своего державства землю раздѣли.

Ниже убиваху бо ся душа первородныхъ хоругви — видѣша бо внезапно царствующий градъ весь облежашъ. И слышати страшно, яковая той царь содѣя со всѣмъ своимъ воинствомъ, вооруженнаго оружие нося, едино лице и нравъ имѣя, также и дѣлы: еже «зачатся беззаконие и роди грѣхъ», еже есть вси единолично во одеждахъ черныхъ и ина неудобь писанию предати!

Входить же в соборную церковь пресвятыя Богородицы, тогда новый стратотерпецъ благими словесы, не устрашися, начать царя увѣщевати. Ту описаль в словесѣхъ своихъ санъ царский сколь великъ есть, и чинъ «можетъ подобенъ быти Богу». Ту безстрашие воспомяну и милосердие, а царственная честь преходитъ и смертью поглощается. И рече: «Отъ начала нѣсть слышано благочестивымъ царемъ свою имъ державу возмущати, ниже при твоихъ отцехъ се бывало, яже ты твориши, ни во языцехъ⁶ тако обрѣтается, якоже ты промышляеши». Царь же не терпя отъ святаго обличения, отъ ярости къ нему рече: «Что тебѣ, чернцу, до нашихъ

^{а—в} Написано на полях ^б Испр., в ркп языцехъ

совѣтовъ царскихъ дѣло? Того не вѣси, что тебя мои хотятъ поглотити?». А царь сие ко святому глаголя: «Едино, — рече, — прошу, точию молчи противу нашея державѣ и на изволение наше благослови». И святой в семь царя не послушалъ: «Молчание, — рече, — наше грѣхъ велий принесть!».

По семь горшая прииде православной вѣре от того <о>пришенства царева: и возмущение велие во всемъ мирѣ, и кровопролитие, и судъ не по правдѣ. И от тоя обдержашиа скорби другъ друга возненавидѣху. И мнози благоговѣйнии и прочии народи прибѣгоша ко святому помощи и заступления просити и показоваху ему свое мучение различное. Святой же утѣшая ихъ словесы своими, глаголя: «Не оставитъ насъ Богъ искуситися выше силы нашея и не попуститъ до конца пребыти прелести сей».

И прииде нѣкогда царь к соборному пѣнию в черныя ризы оболченъ, такожде и прочии // одѣяни, еще же на главахъ своихъ высокия имѣяху шлыки, ризамъ подобни по образу, якоже «халдеи» имуть. Боляре же его вси, и весь сигклить такоже одѣяни, единъ образъ имуще. И пришедъшу царю к Филиппу — к мѣсту — трикраты благословения прияти, святителю же не отвѣщавшу ничтоже. Боляре же рѣша: «Владыко святой! Благочестивый государь прииде к твоей святости, требуетъ благословенъ быти от тебя». Блаженный же возрѣвъ нань и рече: «Царю благий! Кому поревновавъ? Сицевымъ образомъ своего зданія доброту измѣнилъ еси, неподоболѣпно вообразилъ ся еси. Отнелъже солнце в небеси, нѣсть сие слышано, еже бо благочестивымъ царемъ свою имъ державу возмущати». И ту многия наказания обличительная изрече ко царю: «Мы убо, о царю, приносимъ Господеви жертву чисту и безкровну в мирское спасение, а за олтаремъ неповинно кровь лиется христианская и напрасно умирають». Тогда царь на святого рукою помававъ, и изгнаниемъ прещаше и разными муками, и рече: «Филиппе! Нашей ли державѣ противляешися? Да видимъ крѣпости твоя силу!».

Клеветницы же Филипповы умздиша единого анагоста^в — отрока лѣпа, и той отрокъ посреди церкви лжествовалъ на святого в содомскомъ грѣсѣ. А послѣжде^г сказаль, что за страхъ сию клевету на святого учинилъ. Святой же в семь разрѣши отрока.

А когда в ходу былъ святой в Новодѣвѣчьи монастырѣ, и когда святой началъ чести на молебнѣ святое Еувангелие, и обозрѣвся вспять, и виже иже со царемъ пришедшихъ, стоящихъ в тафияхъ, и обращая ко царю, рече: «Божественному славословию совершаемому и Божию слову прочитаему откровенными главами подобаетъ послушати. Откуда симъ сие превниде — агарянскаго закона почитание: покровенными главами предстояти, вси единовѣрни суще?». Царь же рече: «Кто убо есть сей?». Святой же рече: «Твоя царския державы и совѣтныя полаты». Царь же хотя видѣти бывшее. Они же скрывше тафии, // никомуже смѣющу ту л 356 об сказати. Лютии же нечестия предстателие на блаженнаго Филиппа рѣша, яко «неистинну глаголетъ, державѣ твоей царстѣй ругается».

А когда похотѣлъ царь Иванъ Васильевичъ низвержи святого со престола, и тогда послалъ в Соловецкой монастырь епископа Пафнутия Суздальскаго испытать про житие святого. И тогда за страхъ царской и за чести посленныя игумень^д и братия многия клеветы на святого изнесли. А иныя — многия раны претерпѣша, а лжесвидѣтельстввати не стали.

И той игумень Паисий Соловецкой со лжесловиемъ на святого пред царя поставленъ бысть с ложными словами братскими. Тогда царь лже-

^в Испр, в ркп анагоста ^г Испр, в ркп послѣжде ^д Испр, в ркп игумень

словныя книги на святаго послалъ з бояриномъ в соборную церковь почесть, и по прочтении книгъ нападоша послании на святаго, и совлекоша с него санъ, и посадиша его на возило, из града веязху, метлами биюще. А на него возложиша чернеческия простыя ризы, и привезли его в Богоявленский монастырь, что за ветошнымъ^е рядомъ.

А что святой царя за раздѣление царства и в заточении бывъ, а все обличалъ, а когда ко лжесвидѣтелямъ на соборъ святаго брали, — и тамо неумолчно святой царя обличалъ.

И на досаду святаго велѣлъ царь казнити брата роднаго святаго Филиппа — Михаила Ивановича Колычева. И главу отсѣченную* посла ко святому, чтобы преломить душу его — святаго. Святой же со всякою честью воспринять отсѣченную главу, и благослови ю, и целова. И паки принесемую вдаль.

А когда царь Иванъ Васильевич пошелъ на Новъградъ, тогда с пути прибѣжалъ во Отрочъ монастырь и прииде ко святому в темницу, начать припадовати злый врагъ на святаго Малюта Скуратовъ, будто благословения прося. И зячь праведнаго уста возглавиемъ, и тако предалъ святой душу свою Господеви в лѣта 7078-го. И изшелъ ис темницы, начать той Малюта глаголати на игумена и на стражей, что будто ихъ небрежениемъ Филиппъ умре.

л 357 Послѣди же царь Иванъ Васильевич увѣдалъ // лукавство, бывшее на святаго Филиппа, и изыскавъ извѣстно, повелѣлъ изгнати всѣхъ по различнымъ странамъ. И мнози от нихъ на пути лютую смерть прияша, а инии согнание на ногахъ пострадаша, а инии умъ погубиша. А соловецкаго игумена и единомыслениковъ его заточилъ в сылку, и новгородскаго архиепископа и резанскаго епископа в заточение послалъ.

А когда мощи святаго из Соловецкаго монастыря по повелѣнию цареву в Соловки из Отроча монастыря брали, и тогда обрѣли тѣло святаго цело и нерушимо, поне ни ризамъ его тлѣние не прикоснуся, и миро изыде велие от гроба его. И взять в Соловки по преставлении в 21 лѣто при царѣ Феодорѣ Ивановиче, потому что соловецкия старцы о мощахъ митрополита Филиппа царю били че<ло>мъ, что онъ ихъ былъ.

О³ слободѣ Александровѣ тако написано: «О моихъ слезъ! Словомъ рече именуется слобода, а дѣломъ оставлшая древле египетска лсти: тамо первородныхъ погубление, здѣ же, яко класы, православныя⁴ пожинахуся».

(БАН, Арханг С 138, л 355—357)

^е Испр, в ркп вятошнымъ * Испр, в ркп отсѣченнаго ³ Испр, в ркп А ⁴ Испр, в ркп православным